

А. Потебня

**Из записок по русской
грамматике**

I. Введение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Потебня**
Из записок по русской грамматике: I. Введение / А. Потебня – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 160 с.

ISBN 978-5-458-08701-8

Перепечатано из филологических записок.

ISBN 978-5-458-08701-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Поттъ (Zeitschr. f. vergl. Spr. VIII, 21) предполагаетъ, что въ основаніи Русск. верста въ этомъ значеніи лежитъ представленіе равныхъ пространствъ, обозначаемыхъ столбами (durch die Wiederkehr eines Pfahles), т. е. онъ видитъ связь этого слова съ корнемъ *вар* т въ возвращеніи столбовъ, но тѣмъ не менѣе указываетъ на сходство съ *versus*, въ коемъ ничего подобнаго не находится. Значеніе мѣры пути въ верста, конечно, древнѣе того времени, когда стали ставиться верстовые столбы.

в) Рус. верста, верзило, высокорослый человекъ (презрительно)—не отъ значенія «верстовой столбъ», а отъ мѣры пути. Дорога загадывается такъ: довга Гася (лежитъ Гася) простяглася, а якъ устане, до неба достане (Мр.); Лит. *kad atsitėstu, dangų paremtu; kad rankàs turėtu, wagį sugautu*, еслибъ всталъ (путь, *kelies* м. р.) до неба бѣ досталъ, еслибъ руки имѣлъ, вора бѣ поймалъ.

г) Русск. верста, верстовой столбъ, по такому же переходу мысли, по какому гоны получаютъ значеніе версты, какъ предѣла нивы.

д) Отъ значенія борозды, какъ прямой, длинной, —верста, рядъ предметовъ по прямой линіи, напр. кирпичей въ стѣнѣ, камней въ мостовой; отсюда же В.-луж. *worszta*, слой сноповъ въ клунѣ, Поль. *warsta, warstwa*, Чеш. *vrstva, vrstev*, слой, Хорут. *versta*, рядъ вообще, въ томъ числѣ и строка, ро *vrsti*, по ряду, рядами, по порядку; *jedno-, dvoj-, troj-, kelikovrst*, въ одинъ, въ два, въ сколько рядовъ, *simplex, duplex* etc.; отсюда Хорут. Серб. разрядъ, классъ, сословіе, Серб. *врстан* человекъ, порядочный, почтенный, Серб. *врстати се*, становить въ рядъ. Со значеніемъ ряда ср. Литов. *eile*, борозда, строка, стихъ, слой, степень родства, рядъ, боевой строй, порядокъ. Ближайшая форма корня—*il* изъ предполагаемаго *ir*, а это изъ *ar* или въ значеніи *орать* (Лит. *arti* и сродное съ нимъ *irti, gemigage*), или съ значеніемъ *ити* (Санскр. *ar* со специальными временами отъ *arçh*). Въ послѣднемъ случаѣ ср. Греч. *στοῖχος*, рядъ, линія, порядокъ, боевой строй, стихъ, при *στέιχος*, иду,

Санск. стигh, ascendere, Гот. staiga, Слав. стъзя и пр. (Curt. Grundz. I, № 177).

е) Отъ значенія борозды, какъ идущей рядомъ съ другою и равной съ нею Ст. Рус. и Ст. Сл. вѣрста, вѣрста и соврем. Вр. верста, пара, ровня: «божественная и свѣтозарная вѣрста Борисе и Глѣбе» (до 1163 года, Срезн. Нам. Рус. п.; тамъ же «Борисе и Глѣбе мученка святая и супруга» (пара, какъ пара воловъ въ ярмѣ). Отсюда Вр. верстать, равнять.

ж) Отъ значенія версты, какъ длины (пройденной), согласно съ обычнымъ представленіемъ времени пространствомъ и жизни—путемъ, идти Ст. Рус. и Ст. Сл. вѣрста, вѣрста, возрастъ («отъ млады вѣрсты», «юнь верстою»). Сверстникъ (Срб. врсник)—идущій одну версту съ другимъ, одновѣтекъ и въ этомъ смыслѣ ровня, и какъ жена, мужъ называются ровнею, такъ въ слѣдующемъ съвѣрстыица, жена: «мужи плакахуся съвѣрстыицы своихъ» (Ип. л. 200).

Изъ этихъ значеній не менѣе 3—4 живетъ въ одно время въ Русскомъ языкѣ, въ какихъ бы тѣсныхъ предѣлахъ мы его ни понимали. Совершенно случайно, что они не сохранились всѣ.

Итакъ слово верста, по видимому, многозначительно; но таково оно лишь въ томъ видѣ, въ какомъ является въ словарѣ. Между тѣмъ дѣйствительная жизнь его и всякаго слова совершается въ рѣчи. Говоря «пять версть» я разумю подъ «версть» не рядъ, не возрастъ и пр., а только мѣру разстоянія. Слово въ рѣчи каждый разъ соотвѣтствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, т. е. каждый разъ, какъ произносится, или понимается, имѣетъ не болѣе одного значенія. Сравнивая отдѣльный актъ рѣчи «пять версть», «отъ млады версты» и т. п. и отвлекая общее, находимое въ этихъ актахъ, мы должны считать это общее лишь сокращеніемъ, а не неизмѣнною субстанціей, окруженною измѣчивыми признаками. Въ дѣйствительности не только верста=500 саженой есть слово отдѣльное и отличное отъ верста=возрастъ, верста=пара, но и верста

въ одномъ изъ этихъ значеній есть иное слово, чѣмъ версты, верстѣ и т. д. въ томъ же лексическомъ значеніи, т. е. малѣйшее измѣненіе въ значеніи слова дѣлаетъ его другимъ словомъ. Такимъ образомъ, пользуясь выраженіемъ «многозначность слова», какъ множествомъ другихъ не точныхъ выраженій, мы сдѣлаемъ это выраженіе безвреднымъ для точности мысли, если будемъ знать, что на дѣлѣ есть только однозвучность различныхъ словъ, то есть то свойство, что различные слова могутъ имѣть одни и тѣже звуки. Однозвучность эта частію оправдывается единствомъ происхожденія словъ, частію же происходитъ отъ уравнивающего дѣйствія звуковыхъ стремленій языка, въ общемъ имѣющаго психологическое основаніе, но независимаго отъ особенноти значенія слова. Напр. родъ мѣстами произносится какъ ротъ, не въ силу своего значенія, а потому что всякая звучная на концѣ превращается въ отзвучную; Нѣм. *Bratpfanne* превратилось въ Русс. противень не потому, что сковорода чѣмъ либо напоминаетъ вещь противную другой, т. е. соответствующую или равную ей, а потому что нѣм. слово своими звуками напомнило русское. Случаи, которые нѣмецкими учеными называются «*Folksetymologie*», именно, когда чужое или хотя и свое, но этимологически неясное слово ошибочно сближается народомъ, не только по звукамъ, но и по значенію, со словомъ яснымъ, занимаютъ какъ бы середину между чисто-фонетическою нивеляціей словъ и словопроизводствомъ, приближаясь то къ первой, то къ послѣднему.

Останавливаясь на генетической связи однозвучныхъ словъ, мы видимъ, что слова эти относятся другъ къ другу, какъ предъидущія и послѣдующія. Безъ первыхъ не были бы возможны послѣднія. Обыкновенно это называютъ развитіемъ значеній слова изъ одного основнаго значенія, но, согласно съ сказаннымъ выше, собственно это можно назвать только появленіемъ цѣлаго слова, т. е. соединенія членораздѣльнаго звука и одного значенія, изъ предъидущаго.

II.

Представленіе и значеніе.

Когда мы говоримъ, что А значитъ, или означаетъ Б, напр. когда видя издали дымъ заключаемъ: значитъ тамъ горитъ огонь; то мы познаемъ Б посредствомъ А. А есть знакъ Б, Б есть означаемое этимъ знакомъ, или его значеніе. Знакъ важенъ для насъ не самъ по себѣ, а потому, что, будучи доступнѣе означемаго, служитъ средствомъ приблизить къ себѣ это послѣднее, которое и есть настоящая цѣль нашей мысли. Означаемое есть всегда нѣчто отдаленное, скрытое, трудно-познаваемое сравнительно со знакомъ.

Понятно, что функціи знака и значенія не разъ навсегда связаны съ извѣстными сочетаніями воспріятій, и что бывшее прежде значеніемъ въ свою очередь становится знакомъ другаго значенія.

Въ словѣ тоже совершается актъ познанія. Оно значитъ нѣчто, т. е. кромѣ значенія должно имѣть и знакъ. Хотя для слова звукъ такъ необходимъ, что безъ него смыслъ слова былъ бы для насъ недоступенъ, но онъ указываетъ на значеніе не самъ по себѣ, а потому, что прежде имѣлъ другое значеніе. Звукъ верста означаетъ мѣру долготы, потому что прежде означалъ борозду; онъ значитъ «борозда», потому что прежде значилъ «поворотъ плуга» и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не остановимся на малодоступныхъ изслѣдованію зачаткахъ слова. Поэтому звукъ въ словѣ не есть знакъ, а лишь оболочка, или форма знака. Если угодно, это знакъ знака, такъ что въ словѣ не два элемента, какъ можно заключить изъ вышеприведеннаго опредѣленія слова, какъ единства звука и значенія, а три

Для знака въ данномъ словѣ необходимо значеніе предъидущаго слова, но знакъ не тождественъ съ этимъ

значеніемъ; иначе данное слово сверхъ своего значенія заключало бы и всѣ предъидущія значенія.

Я указываю начинающему говорить ребенку на круглый матовый колпакъ лампы и спрашиваю: «что это такое»? Ребенокъ много разъ видалъ эту вещь, но не обращалъ на нее вниманія. Онъ ее не знаетъ, такъ какъ сами по себѣ слѣды впечатлѣній не составляютъ знанія. Я хочу не столько того, чтобы онъ дополнилъ впечатлѣнія новыми, сколько того, чтобы онъ объединилъ прежнія и привелъ ихъ въ связь съ своимъ запасомъ сознанныхъ и приведенныхъ въ порядокъ впечатлѣній. На мой вопросъ онъ отвѣчаетъ: «арбузикъ». Тутъ произошло познаніе посредствомъ наименованія, которое въ тоже время есть сравненіе познаваемого съ прежде познаннымъ. Смыслъ отвѣта таковъ: то, что я вижу, сходно съ арбузомъ.

Назвавши бѣлый стеклянный шаръ арбузомъ, ребенокъ не думалъ приписывать этому шару зеленаго цвѣта коры, красной середки съ такимъ то узоромъ жилокъ, сладкаго вкуса, между тѣмъ какъ подъ арбузомъ въ смыслѣ плода онъ разумѣлъ и эти признаки. Изъ значенія прежняго слова въ новое вошелъ только одинъ признакъ, именно шаровидность. Этотъ признакъ и есть знакъ значенія новаго слова. Здѣсь мы можемъ назвать знакъ и иначе: онъ есть общее между двумя сравниваемыми сложными мысленными единицами, или основаніе сравненія, *tertium comparationis* въ словѣ.

Такъ и въ прежде приведенныхъ примѣрахъ: кто говоритъ «верста» въ значеніи ли опредѣленной мѣры длины, или въ значеніи ряда, или пары, тотъ не думаетъ въ это время о бороздѣ *in extenso*, а беретъ изъ этого значенія каждый разъ лишь по одному признаку: длину, прямизну, параллельность. Одно значеніе слова, вслѣдствіе своей сложности, можетъ послужить источникомъ нѣсколькимъ знакамъ, т. е. нѣсколькимъ другимъ словамъ. Итакъ знакъ, по отношенію къ значенію предъидущаго слова, есть лишь указаніе, отношеніе къ этому значенію, а не воспроизведеніе его. Согласно съ этимъ не слѣдуетъ

смѣшивать знака въ словѣ съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ собственнымъ значеніемъ слова, противопоставляемымъ значенію переносному. *). Собственное значеніе слова есть все значеніе предъидущаго слова по отношенію къ послѣдующему, а гдѣ не требуется особенной точности—даже совокупность нѣсколькихъ предъидущихъ значеній по отношенію къ нѣсколькимъ послѣдующимъ. Напр. можно сказать, что бѣлый, *albus, lucidus*, есть собственное по отношенію къ бѣлой, добрый, прекрасный, милый (какъ отчасти въ Русскомъ, а особенно въ Лит. *balts*). Въ томъ, что мы относительно называемъ собственнымъ и что въ свою очередь есть переносное по отношенію къ своему предшествующему, можетъ быть нѣсколько признаковъ, между тѣмъ какъ въ знакѣ только одинъ. Бѣлый, *albus*, есть въ равной мѣрѣ собственное по отношенію къ бѣлый, вольный, и къ бѣлый, добрый, но знаки во второмъ и третьемъ словѣ (иначе: основанія сравненій съ первымъ) различны. Такъ какъ мы въ данномъ словѣ, рассматриваемомъ какъ дѣйствительное явленіе, находимъ всегда только одно значеніе, то не примѣняясь къ принятой терминологіи, а видоизмѣняя ее по-своему, мы не можемъ говорить ни о собственномъ, ни о переносномъ значеніи слова: предъидущее значеніе есть для насъ значеніе не того слова, которое рассматриваемъ, а другаго. Каждое значеніе слова есть собственное, и въ тоже время каждое, въ предѣлахъ нашего наблюденія,—производное, хотя бы то, отъ котораго произведено, и было намъ неизвѣстно.

И съ другой стороны, по отношенію къ значенію послѣдующаго слова, знакъ есть только указаніе. Онъ только намекаетъ на это значеніе, даетъ возможность въ случаѣ надобности остановиться на немъ и постепен-

*) «Между многими значеніями одного и того же слова отличаемъ такое, которое по нашимъ понятіямъ кажется намъ *собственнымъ*, а остальные *переносными*; напр въ *бѣлый* значеніе цвѣта называемъ собственнымъ (напр. бѣлая бумага), а значеніе свѣта переноснымъ (напр. бѣлый день, бѣлый свѣтъ)» Вуслаевъ. Гр. § 143.

по привести его въ сознание, но позволяет и не оставиваться.

Знакъ въ словѣ есть необходимая между прочимъ для быстроты мысли замѣна соответствующаго образа или понятія; онъ есть представитель того или другаго въ текущихъ дѣлахъ мысли, а потому называется представленіемъ. Этому значенію слова представленіе, значенія имѣющаго особенную важность для языкознанія и чуть ли не наблюденію надъ языкомъ обязаннаго своимъ происхожденіемъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, болѣе извѣстнымъ и менѣе опредѣленнымъ, по которому представленіе тоже что воспріятіе или чувственный образъ, во всякомъ случаѣ—совокупность признаковъ. Въ такомъ значеніи употребляетъ слово представленіе и г. Буслевъ: «отдѣльнымъ словомъ означаются представленія и понятія» (Грам. § 106). Въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы принимаемъ это слово, согласно со Штейнталемъ (*Vorstellung*) и другими, представленіе не можетъ быть означаемымъ: оно только означающее.

Представленіе, какъ тождественное съ основаніемъ сравненія въ словѣ, или знакомъ, составляетъ непремѣнную стихію возникающаго слова; но для дальнѣйшей жизни слова оно не необходимо. Какъ извѣстно, есть много словъ, связь коихъ съ предъидущими не только не чувствуется говорящимъ, но неизвѣстна и наукѣ. Почему напр. рыба названа рыбой, или иначе: какъ представляется рыба въ этомъ словѣ? Значеніе здѣсь непосредственно примыкаетъ къ звуку, такъ что кажется, будто связь между ними произвольна. Штейнталь говоритъ, что представленіе здѣсь есть, но оно совершенно пусто (бессодержательно) и дѣйствуетъ, какъ нуль въ обозначеніи величинъ арабскими цифрами: разница между 3. 30. 0,3 зависитъ отъ пустаго мѣста при 3, обозначаемаго нулемъ (Gram. Log. u. Psychol. 334). Кажется однако, что такимъ образомъ лишь напрасно затемняется значеніе термина «представленіе». Въ словѣ рыба содержаніе не представляется никакъ, а потому пред-

ставленія въ немъ вовсе нѣтъ, оно потеряно. Значеніе имѣеть здѣсь только вѣншній знакъ—звукъ. Этимъ однако не изгладилась разница между этимъ словомъ и соотвѣтственнымъ словомъ другаго языка, напр. *piscis*, или Литов. *žiūvis*. Разница между ними съ самаго начала состояла, кромѣ звука, не въ одномъ знакѣ, или представленіи; но и въ количествѣ и качествѣ предикатовъ, вещественнымъ средоточіемъ коихъ служило представленіе. Эта послѣдняя разница осталась и послѣ того, какъ представленіе исчезло. если угодно, превратилось въ математическую точку.

Что такое «значеніе слова»? Очевидно, что языкознание, не уклоняясь отъ достиженія своихъ цѣлей, рассматриваетъ значеніе словъ только до извѣстнаго предѣла. Такъ какъ говорится о всевозможныхъ вещахъ, то безъ упомянутаго ограниченія языкознание заключало бы въ себѣ, кромѣ своего неоспоримаго содержанія, о которомъ не судить никакая другая наука, еще содержаніе всѣхъ прочихъ наукъ. Напр. говоря о значеніи слова *дерево*, мы должны бы перейти въ область ботаники, а по поводу слова *причина* или *причиннаго союза* — трактовать о причинности въ мірѣ. Но дѣло въ томъ, что подъ значеніемъ слова вообще разумѣются двѣ различныя вещи, изъ коихъ одну, подлежащую вѣдѣнію языкознанія, назовемъ ближайшимъ, другую, составляющую предметъ другихъ наукъ, — дальнѣйшимъ значеніемъ слова. Только одно ближайшее значеніе составляетъ дѣйствительное содержаніе мысли во время произнесенія слова. Когда я говорю «*сѣжу за столомъ*», я не имѣю въ мысли совокупности раздѣльныхъ признаковъ сидѣнья, стола, пространственнаго отношенія за и пр. Такая совокупность, или понятіе, можетъ быть передумана лишь въ теченіе ряда мгновеній, посредствомъ ряда умственныхъ усилій и для выраженія своего потребуетъ многихъ словъ. Я не имѣю при этомъ въ мысли и живого образа себя въ сядячемъ положеніи и стола, образа, подобнаго тому, какой мы получаемъ напр. когда закрывши глаза стараемся мысленно изобразить себѣ черты зна-

комаго лица. Не смотря на такое отсутствіе во мнѣ полноты содержанія, свойственной понятію и образу, рѣчь моя понятна, потому что въ ней есть опредѣленіе мѣста въ мысли, гдѣ искать этой полноты, опредѣленіе достаточно точное для того, чтобы не смѣшать искомаго съ другимъ. Такое опредѣленіе достигается первоначально посредствомъ представленія, а за тѣмъ и безъ него, однимъ звукомъ. Пустота ближайшаго значенія, сравнительно съ содержаніемъ соотвѣтствующаго образа и понятія, служитъ основаніемъ тому, что слово называется формою мысли.

Ближайшее значеніе слова, одно только составляющее предметъ языкознанія, формально вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ извѣстны языки, въ отличіе отъ другихъ, называются формальными, различающими вещественное и грамматическое содержаніе. Формальность, о которой здѣсь рѣчь, свойственна всѣмъ языкамъ независимо отъ того, имѣютъ ли они грамматическія формы, или нѣтъ. Ближайшее, или формальное значеніе словъ вмѣстѣ съ представленіемъ дѣлаетъ возможнымъ то, что говорящій и слушающій понимаютъ другъ друга. Въ томъ и другомъ чувственныя воспріятія различны въ силу различія органовъ чувствъ, ограничиваемаго лишь родовымъ сходствомъ между людьми. Еще болѣе различны въ нихъ комбинаціи этихъ воспріятій, такъ что когда одинъ говоритъ напр. «это нѣкленъ» (дерево), то для другаго вещественное значеніе этихъ словъ совсѣмъ иное. Оба они думаютъ при этомъ о различныхъ вещахъ, но такъ, что мысли ихъ имѣютъ общую точку соприкосновенія: представленіе (если оно есть) и формальное значеніе словъ. Для обоихъ въ приведенномъ примѣрѣ отрицательная частица имѣетъ одинаковый смыслъ, именно такой, какъ въ отрицательныхъ сравненіяхъ: это — кленъ, но въ тоже время и не кленъ т. е. не обыкновенный кленъ и не черно-кленъ. Для обоихъ словомъ нѣкленъ назначено для татарскаго клена одно и тоже мѣсто въ мысли подлѣ обыкновеннаго клена и черно-клена, но въ каждомъ

это мѣсто заполнено различно. Общее между говорящимъ и слушающимъ условлено ихъ принадлежностью къ одному и тому-же народу. Другими словами: ближайшее значеніе слова народно, между тѣмъ дальнѣйшее, у каждаго различное по качеству и количеству элементовъ,—лично. Изъ личнаго пониманія возникаетъ высшая объективность мысли, научная, но не иначе, какъ при посредствѣ народнаго пониманія, т. е. языка и средствъ, созданіе коихъ условлено существованіемъ языка. Такимъ образомъ область языковѣдѣнія можетъ быть народно-субъективною. Она соприкасается съ одной стороны съ областью чистого личной, индивидуально-субъективной мысли, съ другой съ мыслью научной, представляющей наибольшую въ данное время степень объективности.

III.

Различныя понятія о корнѣ слова.

Мы видѣли, что появленіе даннаго слова предполагаетъ существованіе предъидущаго, это въ свою очередь возникаетъ изъ другаго и т. д. Пока, мы остановимся на этомъ наблюденіи, хотя оно не можетъ насъ удовлетворить, такъ какъ невозможно допустить, не впадая въ мистицизмъ, чтобы ряды словъ продолжались до безконечности и чтобы языкъ не имѣлъ начала. Къ этому наблюденію мы прибавимъ другое. Въ словахъ Индо-европейскихъ языковъ замѣчается, кромѣ различія элементовъ, т. е. кромѣ того, что слово состоитъ изъ звуковаго единства, представленія и значенія, еще другаго рода сложность, состоящая въ томъ, что слово заключаетъ въ себѣ болѣе одной части *) и что части эти не могутъ быть введены одна изъ другой: та въ верс—

*) Восклицаніе, какъ о! и т. п., не есть слово.